

---

Глеб Павловский

---



# Система РФ

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО  
СТРАТЕГИЧЕСКОГО  
ПОВЕДЕНИЯ

---

МЕТОД  
George F. Kennan

---

**Глеб Олегович Павловский**  
**Система РФ. Источники**  
**российского стратегического**  
**поведения: метод George F. Kennan**  
Серия «Тетрадки Gefter.Ru»

*Издательский текст*

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=10744884](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10744884)

*Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод George F. Kennan:*

*Издательство «Европа»; М.; 2015*

*ISBN 978-5-9739-0221-6*

**Аннотация**

Во второй из своих книг о «Системе РФ» Глеб Павловский продолжает исследовать российское государственное поведение.

На этот раз автор применяет к Российской Федерации метод американского стратега Джорджа Кеннана. В феврале 2016 года исполнится 70 лет знаменитой «Длинной телеграмме» (The Long Telegram) об истоках советского поведения, где Кеннан впервые изложил свою знаменитую идею сдерживания (containment). Автор книги оценивает стратегический опыт, приобретенный Россией после войны 2014 года (которой посвящена первая книга). Считая Систему РФ уникальным государственным образованием, автор исследует ее поведение в свете нового опыта. Эта книга – путеводитель по российскому стратегическому поведению для «чайников».

# Содержание

От автора	5
К новому сдерживанию	6
Часть 1	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Часть 2	21
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

# Глеб Павловский

## Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод George F. Kennan

© Павловский Г. О., 2015

© Издательство «Европа», 2015

\* \* \*

*Автор выражает признательность Institut für die Wissenschaften vom Menschen (Вена), в стенах которого в основном написана эта книга. Дискуссии с Иваном Крастевым в IWM, а также с С. Г. Кордонским, А. Ф. Филипповым и И. Д. Чечель в редакции Gefter.ru были неизменно полезны (но никто из них не несет ответственность за мои гиперболы и парадоксы). Легко заметить, что источником моих идей в вопросах политической стратегии остается работа над текстами и записями Михаила Яковлевича Гефтера. И конечно, в книге ощутимо сильное раздражение дурацкими вопросами журналистов: почему у вас так все происходит? кто это, и где решал? как вообще такое могло случиться?*

## От автора

В своей прошлогодней книге *«Система РФ в войне 2014 года»* я писал: «Основываясь на личном опыте, Глеб Павловский считает нашу слабую государственность стратегически неуязвимой в мирные времена и готовой к военным». Теперь, в военном 2015 году, самое время оценить правоту своих слов либо от них отказаться.

Российское стратегическое поведение сегодня так непредсказуемо и прихотливо, что желающему его толковать придется доказывать полезность занятия. Мы живем в слишком быстром мире, и у всех мало времени: к чему вдумываться в импульсивные и просто глупые действия? Что если там, где мы ищем логику вещи, отсутствует сама вещь? Вот труднейший вопрос данной темы. Пример Джорджа Кеннана вдохновляет – тому было не легче 70 лет назад.

Слава Джорджа Кеннана возшла в 1946 году его Long Telegram об источниках советского поведения. Но через 45 лет Советский Союз развалился. На его месте возникла трудноотличимая от него поначалу Россия и еще несколько полувраждебных странсателлитов. В следующие 25 лет аналитики мира не проявляли никакого интереса к *источникам российского поведения*. Шли времена «единого пути всех цивилизованных наций», когда различия интересовали культурных антропологов, но не политических стратегов. Отнятие Крыма у Украины обновило интерес (несколько нездоровый) к российскому поведению.

Казалось бы, что такого произошло? На пути цивилизованных наций есть повороты покруче. Но мартовский акт 2014 года травмировал европейские представления о России и о будущем Европы. Вопрос снова ведет к источникам нашего поведения, и Кеннан актуален опять. Но достаточны ли его оценки 1946-го для стратегических разработок в 2016 году?<sup>1</sup>

Автор разрывается между мотивами, где легко угадать конфликт интересов: с государственностью без внеправовой и управленческой логики трудно работать – но происходящее хочется еще и понимать. Действие и понимание, политика и теория почти несовместны в общем порядке действий. Остается надеяться, что счастливые обладатели только одного из двух этих мотивов избегнут моего конфликта и найдут для себя здесь более полезную им группу суждений.

*Глеб Павловский, июнь 2015*

---

<sup>1</sup> См. «Неопознанные национальные интересы РФ» в Приложениях.

## К новому сдерживанию

В политической истории бывает, что – по тем или иным обстоятельствам – одна страна, сила или коалиция приобретает аномальную свободу рук. Историк и философ Михаил Гелфтер говорил (ссылаясь на термин Александра Герцена) о *просторе отсутствия*, толкающем людей искать в нем себе *пространство экспансии*.

Классический кейс – сталинский СССР в Европе 1945 года. Гигантская военная сила уже заняла позиции сверх согласованных в Ялте и готова без напряжения занять другие. Не найдя применения такому могуществу, Сталин впал в состояние, известное как *hubris*. Выбрав ложные цели (Северный Иран, армянские земли в Турции, Северная Ливия – странный выбор), он плохой геополитикой враждебно сплотил против себя вчерашних союзников СССР.

Тем не менее союзники продолжали пытаться как-то договориться с Москвой, обсуждали ее цели, строили догадки о «планах Сталина» – ничто не складывалось в ясную картину. Положение быстро ухудшалось. Тогда, как известно, на сцену вышел Джордж Кеннан и в знаменитой «Длинной телеграмме», посланной из Москвы (The Long Telegram, 5400 слов, февраль 1946-го), сказал: ничего из этого делать не надо, и менее всего стоит гадать о «планах Кремля» и заглядывать в «душу Сталина». Инерция поведения, силы и ложной доктрины сильнее генералиссимуса. Пребираясь с Москвой, вы только теряете время. Это покажется Кремлю слабостью, но не расположит к снисходительности. Причина не в тайнах Востока, непонятых Западом, причина – в потере предмета, который должен быть понят.

Джордж Кеннан предложил рассмотреть *советское поведение* как эшелонированную исторически и идейно инертную систему, диктующую правила в поле ее господства. Сам Сталин, выдающийся манипулятор людьми, не в силах преодолеть ее инерции. То, что он и был ее генеральным конструктором, не важно, когда система сложилась.

Отсюда следовало, что не только США, противостоя советскому коммунизму, не знают мыслей противника, но и сам противник может не знать своих намерений. Гадая о планах Кремля, хотят похитить то, чего нет.

Кеннан предложил идею *сдерживания* Москвы – *containment*. Сдерживание, понятое как вынужденное включение суперсилы в большую игру с коротким и жестким списком заранее известных табу. В ситуации 1946 года таким «табу» было признано посягательство на изменение государственного, общественного строя и идеологии стран противостоящего блока.

Но философия сдерживания не столь узко ситуативна. Модель Кеннана содержит параметр, крайне важный для РФ сегодня, – связь внутренней и международной политики. В эпоху СССР та обосновывалась идейно – природой коммунистического государства. То, что Советский Союз при национал-имперской политике Сталина не был национальным государством, списывали на «революционное отклонение» от эволюционирования империи в национальную Россию. Советского коммунизма нет, но и национальной России нет также, если не в большей степени, чем в СССР. И вдобавок, новый «простор отсутствия» наметился внутри страны.

### Простор отсутствия – 2

*Простор отсутствия – 2* тоже ситуативен и также почти случаен. Конечно же, он не планировался никем, и сегодня не вполне комфортен ни для кого, даже для президента Путина. И тем не менее завершается преобразование кремлевского субъекта в самонадеян-

ную силу, нависшую над «простором отсутствия». Пространством экспансии новой несдержанной силы на этот раз стала сперва сама Россия, РФ, а в след за ней – постсоветский Евро-восток, раздираемый между Европой и Евразией. Опять всемогущая власть без программ, опять ее более сильные противники ведут обоюдно раздражающие препирательства. Опять аналитики Запада гадают о «планах человека в Кремле». И все это столь же стратегически бесполезно, как было в 1946 году.

Правда, за 70 лет мир далеко ушел. Современная РФ не нависла над Европой как военно-идеологический комплекс. И русские танки не смогут в два дня выйти к Ла-Маншу, даже получив приказ верховного главнокомандующего. Но внутреннее состояние постсоветской России стало глобальной проблемой, как и у Советов времен Джорджа Кеннана.

Самое опасное сходство в том, что Система РФ, подобно Москве 1946 года, но на иных основаниях, отрицает общепризнанные нормы как таковые. И эта нигилистическая воля (в отличие от Сталина, не ведающая, против чего обращен ее нигилизм) почти не встречает возражений в стране. Нормы она отклоняет ссылками на «легитимное большинство», а большинство обеспечивает суверенным насилием – и в этой тавтологии РФ зависла, будто в центре вселенной. Советскую систему тоже обвиняли в идейном аутизме, но до самонадеянности таких степеней она не доходила.

Сегодня, как и тогда, в массе попыток «диалога» или «полемики» с этой не ведающей свои цели силой, слышен рефрен: как жаль, что их вовремя не остановили! И сегодня этот ресентимент столь же пуст, как в 1946 году. Джордж Кеннан ставит вопрос не о том, кто виновен, а о том, как вернуть разрушительную – и саму себя разрушающую – силу в границы реального. Заставив ее эти границы уважать. Но если в 1946 году вопрос так ставился перед администрацией сильнейшей из антифашистских держав, то сегодня его уже неверно ставить как вопрос чьей-либо государственной политики. Здесь главное отличие от эпохи Кеннана.

Сдерживание не может стать миссией какого-то из государств, западных или не западных. Это внутренняя задача для самой Системы РФ, это наша национальная задача надолго.

## **Часть 1**

# **Подход к проблемам в Системе РФ и ее подход к вашим проблемам**

Система РФ создает проблемы (в том числе и вам), а затем справляется с ними неожиданным для себя образом. Живущие в ней люди привыкли к угрозам и бедствиям.

Фронтмен Системы РФ Владимир Путин, выступая в Москве на Васильевском спуске в марте 2015 года, сформулировал это так: «Мы с вами пойдем вперед, мы будем укреплять нашу государственность, укреплять нашу страну, будем преодолевать трудности, которые мы с вами так легко создаем сами для себя в течение всего последнего времени».

В этой части объясняется, отчего Система РФ всемогуща, хотя не умеет принимать управленческих решений.

## Глава 1

# Система РФ как метод, процедура и государственность

В этой главе вкратце и без теоретического обоснования толкуется Система в целом. Здесь ее наиболее радикальный пункт расхождения с СССР, как тот описан Дж. Кеннаном, но здесь же объяснение непреходящей ценности его подхода. Почему Система преуспевает вопреки логике, прогнозам и провалам, пока не перестанет одновременно преуспевать и существовать.

### Система как процедура

Пространство советских аллюзий о российском государственном поведении безбрежно, никто не избежал их. Здесь мы вступаем в царство Джорджа Кеннана, давшего убийственно краткую, но дружественную оценку истоков советского поведения. Кеннан ничуть не нейтрален, он разработчик стратегии для США. Но рисуемая им картина страны – противника СССР более дружественна, чем наши российские описания советского мира.

Перед Соединенными Штатами в феврале 1946-го был сталинский СССР, управляемый ВКП(б) под «светочем идей марксизма-ленинизма». Джордж Кеннан рассмотрел советскую идеологию не как доктрину или политическую веру, а как *прагматику оперирования* всем в мире – противниками, союзниками и даже самой собой. Что нашел бы сегодня на этом месте Кеннан – ничего? Что заняло опустелое место цели в новой государственности РФ, возникшей после декабря 1991 года? Ответов много, но ключа нет до сих пор. (Не хочу винить почтенные концепты *российской демократии, капитализма в России, новой русской клеточности, сырьевого петрогосударства, внутреннего колониализма или мягкой бюрократической автократии.*)

На месте, некогда маркированной коммунистической идеологией, находится *сама Система РФ* – не как государство (которым она не является), а как *принцип российского поведения*.

Система РФ – процедурный навык обращения со всем в поле ее досягаемости, легко доступный для усвоения чиновниками и любым человеком. Только тут, в точке идейной несовместимости СССР и РФ, мы обнаруживаем их скрытое *процедурное родство*. Преемственность СССР/РФ не в «тоталитаризме» или «имперской архаике». Она в способе обращения со всеми вещами без исключения, от материальных и финансовых до ментальных, этических и религиозных. В процедуре, обращающей людей – независимо от их прав, статуса и воли – лишь в поводы и ресурсы.

Система РФ не государство, и тем более не идеология. Это развитый ансамбль методов и технологий работы с миром, уникально простой, позволяющей мультиплицировать данное поведение на любое число людей, обучаемых и вовлеченных в ее обслуживание. И нашу обучаемость не сдерживают более доктринальные оболочки и партийные нормы.

Если пренебречь философским вопросом, свободен ли нигилист, можно сказать, что Система РФ – самая свободная государственность в мире. Что, разумеется, нельзя смешивать с либеральной и гражданской свободой.

## Искусство быть внезапным

Говоря об источниках советского поведения, Джордж Кеннан говорил о поведении Кремля, объединяя в этом понятии всю советскую номенклатуру, тогда очень жестко вертикально интегрированную. Отсюда сходства и отличия его описаний от постсоветских стратегий Системы РФ. Кеннан, например, ничего не пишет о *советской внезапности* – этот навык не присущ позднесталинскому человеку. Советскому гражданину не велели быть слишком порывистым. Общество директив не любило импровизаций и неожиданностей на партсобраниях.

Но Система РФ возникла внезапно. Выдуманная по случайному поводу как импровизированная подпрограмма для выборов в Верховный Совет РСФСР 1990 года, *новая суверенная Россия* уже 12 июня 1990-го объявила о государственном суверенитете (внутри СССР). В эту внезапность свой вклад внесла личность Бориса Ельцина, любившего внезапности по характеру.

Ельцин стал президентом России благодаря тому, что сознательно культивировал порывистость. Так возникла его тактика политического зигзага, то есть политика «загогулины» – внезапного двойного маневра. Создав ситуацию масштабной угрозы, он затем выступал последним спасителем от нее, конвертируя кризис власти в личное первенство. Так политик – источник рисков стал бенефициаром всех выигрышей и всех проигрышей игры. И остановил достойного преемника.

## Борьба с нормой и нормальностью

Система РФ изначально находилась в *борьбе с нормальностью* – нормальная жизнь, как считали, осталась за границей РФ. Ее отождествили с жизнью Европы и Запада. Нормальность стала местом туризма, зато РФ освободила себя от нормативных обязательств.

С 1993 года Кремль развивал технологии поведения, обходящие нормальность, фальсифицируя ее ради простоты достижения целей. Цели были корыстны, но имели достойный мотив – достижения нормальности в будущем финале слияния с «путем всех нормальных (западных) наций».

Отказ от нормальности из технологии превратился в повседневность Системы. Затем перерос в доктринальное презрение к норме внутри РФ – включая свои же нормы. Система легко их пренебрегает и охотно этим бравирует. Поведение силовиков и судебных инстанций в отношении политических противников – всероссийский спектакль презрения к государственной норме. Их месседж – ничтожность закона в отношении людей и организаций, включенных в «стоп-листы» Системы РФ.

Если люди Системы почему-либо захотят придерживаться общепринятых норм (хотя бы в течение 30 дней!), им потребуется отдельное решение на самом высоком уровне. И невероятные усилия по самоконтролю.

## Прогрессор именем большинства

Апогей внезапности – внезапная радикализация 2014–2015 годов. Это способность действовать радикально там, где этого не ждут, и почти во всякий момент. Откуда такая гибкость у институционально слабой и управленчески детренированной власти? Отчасти потому, что *Система РФ* – это недемократический способ строить поведение в расчете на будущее большинство.

В России тема большинства сразу возникла как тема *лидера от имени большинства*. Мандат лидера сразу после выборов отделялся от конкретного электорального большинства. Поначалу большинство с трудом набирали под этот мандат, и оно было нестойким. Но мандат тогда уже был неограниченным.

А есть и мандат от внешнего мира. Глобальная легитимность – мандат на «процесс реформ», «транзит» и «модернизацию» – укрепляет статус, дистанцируя его от выборного, а значит, сменяемого.

Команда Кремля действует именем прогресса, она «прогрессор». У нее право на защиту правящих элит то от «националистов», то от «региональных сепаратистов». Накапливается *масса мандатов*, и каждый из них имеет чрезвычайный пункт. Шкала действий власти смещена к радикальности, уже без оглядки на цели мандата.

Раз власть действует достаточно радикально и масштабно, прогрессивные реформы ей уже проводить не обязательно. *Масштаб* властного маневра дает ей право создавать и создавать большинство. Молниеносный маневр, доказывающий искусство ошеломить, сделав не то, чего ждали, в конце концов приветствуется почти всеми. Кроме жертв.

### **Выжидательность – не политика мира**

Система РФ инициируется экстремальными состояниями. Это нельзя понимать буквально. Кремль не дожидается случайностей, как землетрясений, – он их «организует»<sup>2</sup>. Потенциал чрезвычайщины содержится в теле Системы РФ, доставаем оттуда при зигзагах-загогулинах курса Кремля. Международный риск в том, однако, что внутренние зигзаги время от времени требуют выбросов вовне. Внешние эксцессы дают нам временное утоление запроса на «тоник экстремальности».

---

<sup>2</sup> Сергей Кириенко, генеральный директор Корпорации «Росатом», недавно заметил: «Удивительная вещь, но Фукусима позволила нам резко увеличить объемы продаж. Разговор идет о постфукусимских требованиях безопасности. Это важно, это добавило нам возможности, и мы в разы увеличили объемы своего портфеля заказов».

## Глава 2 Команда Кремля

Команда Кремля исторически возникла на основе, которая далее забылась, хотя ее кадры и ее предрассудки переходили в следующую фазу. Команда Кремля довольно устойчива, что обеспечивает устойчивость самой Системы. Застойный состав кадров генерирует ауру стабильности в нестабильных состояниях. Команда нуждается в монополии на ресурсы РФ, иначе не сможет продавать свои услуги на мировых рынках, а это беда.

### Откуда взялась Команда Кремля

В Кремле 1990 годов сложилась группа, вынужденно имитирующая государство. Это станет одной из главных функций Команды Кремля и администрации президента РФ. Используя свои преимущества и главное из них – контакт с президентом Ельциным, кремлевская группа переиграла игроков более сильных.

Новая Команда Кремля была одним из авторов новых правил – тем более ей незачем было их выполнять. Здесь наметились «ножницы» между созданием правил и импровизацией действий.

Чтобы преуспеть, их поведение должно было быть свободно от правил, – которые тогда едва разрабатывались и вводились с трудом. Новая Россия началась с того, что появились когорты людей, ведущих себя целесообразно, но необычным для советского общества образом. Они практиковали то, что в СССР не позволялось практиковать. (Уже поэтому гипотеза о якобы «советской» природе власти в РФ выглядит сомнительной.)

Зона правил и процедур формировалась медленнее, чем консолидировались активные группы, уже тогда называвшие себя *элитами*, опережая какие бы то ни было правила.

Россия, взятая целиком, слишком огромна, чтобы равномерно получить доступ к глобальным возможностям развития – это делает эксклюзивной группу, которая такой доступ получит. Население изолирует от мира верткость Команды Кремля – ее действия вне правил при легком доступе к мировым рынкам, финансам и медиа. Открыв себе глобальное поле действия, Команда отключила от него население, а затем от политики вообще.

Положение «резидентуры прогресса» – во многом комфортное положение. Оно в нарастающей степени определило мировые амбиции Команды Кремля.

### В чем смысл администрации президента

Система РФ умеет быть *верткой*, поскольку знает место, где ее легко обратить против собственных правил, не говоря о законах.

АП РФ – организация, упраздняющая силу всех других государственных организаций и норм, шлюз входа в параллельную политику, открывающий обширные возможности действия.

Любая важная организация в России, с какой бы целью та ни возникла, вовремя не закрытая, превращается в институт. АП РФ, возникнув в 1991 году, ни разу не ставилась под сомнение; все ее реорганизации связаны были только с ее укрупнением.

АП РФ возникла импровизированно, как орган защиты президента от остальных конституционных институтов Российской Федерации. Поначалу это мотивировали устарелой

Конституцией (РСФСР), угрозой коммунистической партократии, борьбой с Верховным Советом России. Но еще до принятия новой Конституции РФ 1993 года функция АП проявилась вполне: *дуализм легальности*. Когда политика стала недоступной для граждан, АП РФ осталась монопольным субъектом политического действия.

Это система надконституционного контроля всех трех ветвей власти. Она все так же нелегальна, как в 1991 году. Отсюда можно запустить сколь угодно рискованную спецоперацию, непоправимо меняющую государственный порядок в стране.

## Правительство Медведева

У Системы есть резерв под названием «правительство Медведева», к нему здесь двойственное отношение. Правительство Медведева – это сентябрьская индейка, которую придерживают, чтобы зарезать в любой нужный момент. Номинально правительство есть. Оно обслуживает задачи, которые не умеют обслужить другие. В Кремле не хотят остаться без правительства, ведь новое придется назначать под давлением полуидеологических лобби и безумных воинственных миллионеров.

## Без Политбюро

Советское Политбюро было функционально – верхушка партии, управленчески сращенной с государственным аппаратом. Каждый в Политбюро имел под собой действительную власть – вертикаль, доходящую до низу. Люди в Политбюро знали, что, если доживут, они выберут нового правителя страны – генерального секретаря ЦК КПСС.

Никто из друзей Путина не смеет на такое претендовать. Даже в шутку никто не скажет президенту: мы выберем тебе преемника. В Системе РФ нет машины преемственности, и теперь это – фатальная слабость. Команда Кремля в принципе не знает, каким образом ее власть продлится. Она вынуждена настаивать на монополии, а этого мало. Монополия эксклюзивна, и все, кто остался вне, не так заинтересованы видеть Команду в Кремле. Фактор будущего превратился в пункт актуальной нестабильности Системы.

## Кремль в ожидании

Команда Кремля всегда выжидает форс-мажоров глобального уровня. Вот и сегодня она дожидается мировых кризисных явлений, которые вынудят ее врагов переключиться с Москвы на другие цели. Антироссийские санкции превращают страну в полигон жестоких испытаний: на что мы рассчитываем?

Эталонная осень 2008 года, спасительное двойное «чудо Обамы». Когда Большой кризис и крах бушизма отбили у Запада интерес к грузино-российской войне. Станет ли успешной политика выжидания на этот раз? При нескольких условиях.

Во-первых, Кремль должен сохранять свободу рук внутри России, несмотря на удары санкций по его социальной базе. Во-вторых, успех выжидания требует исключить все расчеты на уход Команды Кремля или разворот ее в желаемом для Запада направлении.

Встал вопрос о новом порядке управления страной в режиме санкций, его ищут. В *русском выжидании* заинтересована часть мировых игроков, но как убедить их сделать хотя бы скромные ставки на политику Москвы? КНР не имеет мотива помогать в данной ситуации РФ, но затягивание режима санкций в интересах китайцев. Пекин *категорически* не хочет капитуляции Кремля перед Вашингтоном и сделает многое, чтобы этому воспрепятствовать.

Можно ждать поощрительных китайских жестов в сторону Кремля, ни один из которых не будет ни бесповоротным, ни однозначно антиамериканским.

## Глава 3 The Tzar

Путин как персона-мистификация, скрывающая Систему РФ от понимания. Горбачев создал место для Ельцина, а Ельцин – место для Путина. Персонификация – это хозяйское факсимиле Системы. Потеря шефом-хозяином себя в Системе и навязчивые поиски им идентичности.

### Система и Tzar<sup>3</sup>

У Кеннана лидер и демиург, Иосиф Сталин, упоминается на весь текст «Длинной телеграммы» только трижды. Парадокс, который должен обратить внимание современных кремленологов: базовый текст, лежащий в основании западных доктрин холодной войны, успешно истолковал поведение системы-противника, не прибегая к персональному аргументу.

Это позволяет нам спросить любого из толкователей российского поведения – для чего вам столько Путина? Как вообще может быть, чтобы в настолько деполитизированной Системе объяснения политики были сверхперсональны? Читателя грузят фамилиями и домыслами об агентах власти без политических позиций, лавирующих среди аппетитных ресурсов Системы. Мы обсуждаем цели и мотивы людей, которые их не имеют в политическом смысле слова.

Рассуждая о шефе Системы РФ, не уйти от парадокса: он всемогущ, лишен сдержек и ограничений – и заперт в своей Системе. Его ежедневно испытывают на разрыв между публичным образом Всемогущего и скромным уровнем его управленческих решений. Но фиксации парадокса мало.

*Путин как аргумент* вполне функционален. Эта функция обрисовалась давно, почти 30 лет тому назад, когда пропаганда гласности опрокинула все прошлые ratio. На смену социальной теории при давно разрушенных советскими идеологами философии истории, политической теории и антропологии пришла *воля президента*, как *ultima ratio*. Так в Системе РФ был впервые придуман *царь*. (А вовсе не позаимствован из небывалой «русской монархической традиции».)

### План Сталина и план Путина

План Путина был планом воссоздания российской мощи на новой основе. Сделав Систему РФ новым держателем могущества, думали сделать Россию неуязвимой. Базой силы стали финансы и кредиты под сырье на мировых рынках. Все лишнее надо убрать – идеологию, экономическую автаркию, принципы и законы. Одно время хотели убрать даже конфликт с Западом. Сталинскую парадигму могущества наложили на финансовую базу глобализации. Приоритет плана стал его слабым местом: мощь не то же самое, что территория, ядерный потенциал или золотой запас.

Дж. Кеннан всегда уточнял, что в политике нет чисто военной мощи, – *мощь процессуальна*. Она зависит от качества разыгрывания имеющихся потенциалов, даже политически слабых. Например, реальная мощь СССР *надала* параллельно *возрастанию* его военно-

---

<sup>3</sup> См. «Путин как факсимиле евролицемерия» в Приложениях.

стратегического потенциала. Последний достиг максимума к 1985 году, как раз когда могущество Союза обнулилось.

Валютные запасы РФ и теперь неплохи, но 2014 год, легко ранив финансовый потенциал Системы РФ, расстрелял *ее мощь*.

### **Хозяин – это не диктатор**

Все кремлевские коалиции – штатских и военных, «силовиков» и «либералов», «голубей» и «ястребов» – ситуативны и часто тасуются. Решения, которые приписывались «ястребам», принимались голосами «голубей», как было с вторжением Ельцина в Чечню в 1994 году или с решением по Крыму. Дворкович не нужен для обсуждения тактики по котлу в Дебальцево. Но это не значит, что Дворкович (говорю условно) не может стать автором идеи продавать газ в Донбасс в обход Киева и за его счет. Это вполне могла быть идея либерального экономиста, а могла – Игоря Сечина, который тоже экономист.

Когда главной проблемой становится не военное положение Донецка, а упадок экономической базы власти, президент может принимать экономистов чаще, чем силовиков. Но это не говорит о том, *в качестве кого* он их принимает. Команда Кремля устроена так, что люди, дающие советы президенту и разрабатывающие решения вместе с ним, не станут политическими фигурами. Руководители Государственной Думы, Совета Федерации или премьер-министр Медведев – все выступают только в роли экспертов и порученцев.

Государственное лицо – один президент. Игра Системы РФ в том, чтобы убеждать, будто государственные решения он принимает лично. Поэтому никто, дающий президенту советы, не приобретает политической компетенции. Если у Путина есть ощущение, что от встреч с ним Кудрин усиливается, превращаясь в независимую фигуру, он даст понять, что ориентироваться на это не надо (что и сделал публично во время «разговора со страной»).

Власть Путина как фронтмена Системы – власть Хозяина, а не диктатора. Хозяин вправе в любой момент отменить решение, просто сказав: «Хватит, я передумал». Или: «Не помню, разве я такое обещал?» Диктатор воплощает единство исполнительной власти, но Путин отделил себя и от последней также. Он властвует, разделяя исполнителей, переводя государственность в текущее состояние.

### **Путин, затерянный в большинстве**

В российском государстве потерялось место для всех низовых суверенов, кроме кремлевских. Места жизни людей стали неважны, кроме случаев, когда люди собираются в *большинство*. Я не видел нравственной трудности, подбирая способы склеивать любые группы в большинство. Казалось, эта игра несколько не вторгается в человеческую жизнь. Казалось, мы как минимум затащим состояние мира, и если даже ничего лучшего не выйдет, люди получат лишние несколько лет покоя.

Конечно, я знал выражение *тирания большинства*. Но оно казалось барочно декоративным, неприменимым здесь и сейчас, – что-то из давних страхов аристократии перед народом. Но оказалось, что, если большинство склеить искусственно (для чего придется возвести в культ его мнения, предрассудки, его невежество), – такое большинство само уже потенциальный *тиран*. Чтобы воплотиться, тирания большинства должна обрести себе имя. И она выбрала имя: Путин.

Сегодня все, что не президент, стало политически неинтересным, а Путин перестал скрывать свое первенство в государстве. Но это первенство – лишь переназванное тираническое большинство. Путин-политик означает *общество-неполитик*. Бросающиеся в глаза

перемены во власти и в президенте – это перемены в подвластном обществе. И спорно, что тут считать следствием, а что – причиной.

Подлинная история Владимира Путина затеряна внутри ненаписанной истории страны, и его карьера является ее крайне упрощенной, примитивной версией. Эта версия находится в обратном соотношении с оригиналом: чем ярче «дела лидера», тем скромнее его личность. Выбрав роль хозяина России и отказавшись от роли «оказывающего услуги населению», он из человека превратился в приборную панель. В шкалу датчиков, закрытых от чужих глаз, в стране, которой он уже не понимает.

Потому и затвердил эти несколько нехитрых аксиом – всего, что якобы «здесь невозможно», и «в России никогда так не будет». Путин не видит, что сам стал одним из запретов, по которым нельзя догадаться, ни что в действительности возможно для России, ни что ей реально грозит изнутри.

## Глава 4

### Догма «86/14» и подавляющее большинство

Догма «86/14» – отношение большинства, доверяющего властям, к меньшинству не доверяющих; это найденное опытным путем устойчивое распределение, пригодное для любой оценки. При меньшей цифре поддержки «подавляющее большинство» превращается в ненадежное, то есть обычное электоральное. 86 % благ в стране производятся 14 % населения. 86 % затраченного исчезает в никуда, и т. д. С учетом роста «откатов», все расценки завышаются на 86 %.

#### Его 86 %

Заклинания «86 путинскими процентами» ставят вопрос о бесполезности таких данных при анализе базы поддержки власти. Поддержка относится к Системе, а не к человеку, а язык поддержки не имеет иных слов для выражения, кроме фамилии Хозяина. Но Хозяин не определяет веса позиций Системе. А для описания Системы РФ не нужны домыслы о планах Хозяина. Путин не автор Системы, он пользователь подписи Путина. Его тип первенства совместим с размытой поддержкой при неясности ее источников для него самого. Вопрос: «есть ли у Путина поддержка большинства?» – останется тавтологией до момента ее прекращения.

#### Путинское большинство как социальная коалиция

*Путинское большинство* 2000–2012 годов – союз выигравших с проигравшими и миллиардеров с маргиналами. Пестрая всероссийская коалиция, прослоенная малыми группами, – политтехнологи и журналисты; шоу-элиты, старящиеся, не желая сойти со сцены; криминальные группы и госбанки. Невозможная без форсажа со стороны либералов во власти, эта коалиция прожила невероятно долго. Но уже при первом выходе «путинского большинства» на сцену 1999 года оно предоставило Кремлю безразмерный мандат.

Говорят, что дело лишь в гарантиях безопасности Ельцину и его семье – но это был лишь внутрикремлевский пароль. Речь шла о большем, и участники проекта это понимали. Дело шло к повторной перестройке конституционного государства – вслед первой, неудачной. Уже возникла мысль о «санации народа» – перевоспитании граждан, разболтанных за годы выборов, выездов и бесцензурных медиа. Отстранив массы от влияния на процесс, думали исключить риск повторного разрушения государства.

*Государство* было главным паролем. Его следовало перестроить, сделав неразрушимым, даже если однажды миллионы граждан вновь решат его упразднить. Но вот парадокс! с целью исключить риск распада, небольшой группе людей дали мандат на любые, хоть самые рискованные действия именем государства. Возникла Команда Кремля.

Большинство за «вертикаль власти» оказалось голосованием за неприемлемый риск. И возник первый *путинский консенсус*. Поначалу он был мягко репрессивен, дружески тесня скептиков внутри коалиции. Здесь уже наметился размен *государства* на *власть*. После трех президентств подряд, когда консенсус стабильности устоялся вполне, он вдруг распался, демонтированный Кремлем и Болотной площадью. Но *команда риска* по-прежнему правит

страной, в сомнительных случаях ссылаясь на исторический выбор путинского большинства в 2000 году.

### Лидер и гарант «социалки»

Ельцина насмешливо именовали Гарантом. В этом русская страсть к неологизму – тогда это слово впервые попало в массовый лексикон. Путина гарантом не зовут, но он им является, гарантируя элитам безопасность от масс, массам – от элит. Сегодня эту бонапартистскую схему-ампир пора пересмотреть. Сегодня Путин – гарант органического социума власти, обозначаемого иероглифом «социалка».

*Путингарант «социалки»*. В это входят не только бонусы бюджетникам в виде невысоких, но регулярно якобы повышающихся социальных выплат. Он же *гарант сервисных структур «социалки» – силовых, перераспределительных и иных кадров*. «Социалка» стала постоянным аргументом власти. Именем социального большинства отклоняют любой государственный, стратегический и даже моральный тезис, не говоря о финансовых и макроэкономических: «Это социально неприемлемо». (При этом доказательств того, что именно неприемлемо, не приводят.)

Но в момент кризиса *гарант «социалки» и гарант Конституции* попадают в конфликт интересов: гарант социалки уже не может остаться гарантом Конституции.

Да и в отношении к последней Путин скорее ее ценитель. *Он ценит Конституцию*, она ему нравится эстетически. Дискурс президента о Конституции близок дискурсу охраны природы. Это речи об *уважении к редким видам, обреченным на исчезновение*. Конституция для Путина – это «Красная книга». Он не гарантирует Конституцию, если не гарантирует «социалку». И именно в «социалке» скрыт для него основной закон.

### Лояльное антигосударственное большинство

Социальная коалиция, на которую опирается власть (для простоты называем ее «путинским большинством», хотя во многом это уже другая социальная коалиция), – более основополагающий государственный фактор, чем Конституция РФ. Социальная сеть бюджетной Федерации – десятки миллионов бюджетозависимых граждан. Лишенные инструментов конституционной самозащиты, они нуждаются в «путинском» Центре и Команде Кремля – их единственной, хоть ненадежной страховке<sup>4</sup>.

Современная российская государственность разрушаема в той же степени, в которой ее опорная коалиция нерушима. При коллапсе «путинское большинство» пожертвует нынешней РФ, чтобы спасти уровень своего обеспечения Системой. Бессмысленны попытки, побудить эту коалицию к протесту против ее собственных интересов. Зато при сохранении ее преторианской основы она однажды изменит государству: *корми – и делай, что хочешь!*

В этом смысле путинское большинство, пассивное и потребительски конформное по базовым аттитюдам, однажды станет для России *апокалиптическим*. Оно уже доказало, что ради сохранения своего положения и эмоционального тонаса готово на любые тиранства

---

<sup>4</sup> Возможно, здесь тайна деструктивности «тандема», пережившая самый тандем. Закрепив Путина на роли пожизненного лидера бюджетников, «тандем» разбалансировал управленческий верх пирамиды. Гигантский материк «путинского большинства» с безальтернативным лидером во главе – при равнодушии избирателя к конституционным институтам и принимаемым управленческим решениям. Если бы сценарий второго срока президентства Медведева осуществился, он неизбежно выглядел бы как ультра-тандем, но не полноценное президентство Медведева. В роли «аятоллы бюджетников» Путин высился бы над любым президентом. В таком сценарии конфликт 2011 года был бы отсрочен, но произошел позже, и в форме прямого противостояния, где-то в 2014–2015 году.

внутри и вовне страны. Оно уже отбросило ценность международного правового порядка. И, услышав зов более мощной чрезвычайности, оно с готовностью откликнется на него<sup>5</sup>.

---

<sup>5</sup> Помешает этому повышение цен на пищевые продукты на 30 %? Ничуть, только даст «обоснование» сдвига к чрезвычайному положению. Бюджетная армия Судного дня готова выйти в поход по маршрутам ада; этот козырь у Системы есть. Впрочем, она не обязательно им воспользуется, – и едва ли сумела бы с ним преуспеть, не сломав себе шеи.

## **Часть 2**

### **Что такое Система РФ?**

Эта часть книги посвящена рассказу о том, какова процедура Системы в принятии решений для отработки угроз и бедствий. Это поможет каждому понять, как Система обойдется с его проблемами или с ним самим как проблемой. Мы расскажем, что такое «решения» внутри Системы РФ. Правила, которые здесь описаны, возможно, помогут и вам самому действовать наподобие Команды Кремля. Автор предупреждает, однако, что повторение кремлевских трюков без подстраховки может причинить юридический и иной вред.

## Глава 5

### Принятие решений в Системе РФ

Никто никогда так и не понял, как были приняты главные из решений в Системе. Понятны лишь мелкие, и те не всегда. Все важные решения должны быть приняты на более высоком уровне, чем тот, на котором они приняты. На самом высоком уровне положено принимать все без исключения важные решения. Но там их только принимают к сведению.

#### Принятие решений в Системе

Система РФ сосредоточена на вопросе о власти, но власть строится так, что место решений в ней скрыто. Система гибридна, и решения в ней «гибридны». Что означает здесь принятие решений?

В первой версии путинской системы, первые двенадцать лет (2000–2012), ее для простоты можно было назвать «управляемой демократией». Решение номинально принималось на самом верху, спускаясь по так называемой вертикали власти. Переходя с федерального уровня на региональный, вертикаль власти прерывалась, расщепляясь в пучок вертикалей – силовых, административных, губернаторских и др., – те торговали объемом решений и тем, кому и на какие деньги его исполнять<sup>6</sup>.

В новом режиме все выглядит менее ясно. Путин надстроил над властью недостижимый этаж, где пребывает один. Некогда первый среди равных, он взлетел над своим окружением. И хотя по-прежнему с ними контактирует, не хочет нести ответственность за решения. Президент играет роль лица, «находящегося в курсе главных решений»<sup>7</sup>. Все решения Команды Кремля из-за этого приобрели условный характер.

Допущенные в окружение ставят его в известность о том, что станут делать. Президент «в курсе», но строит отношения так, чтобы всегда мог сказать: я этого не знал и такого не обещал. Возникает двойной «люфт» маневра, и надо твердо помнить фразу президента, которую можно процитировать в доказательство, что действуешь с его согласия. Но эта фраза не создает должностной ответственности для него самого.

В украинском кризисе явно действовали группы с разными интересами, стратегиями. Если в операции «Крым» еще видна прежняя схема, компактная и военизированная, то с мая 2014 года все происходило иначе. Возникли несколько инициативных групп действия. Среди них – украинские и российские бизнесмены, связанные с Командой Кремля, люди в

---

<sup>6</sup> Что это значит? Что серьезные решения должны с ним согласовываться. Каждое решение имело публичную и не публичную часть, и все, что касалось серьезных вопросов, – крупная собственность, внешние контакты, большие проекты, главные кадровые назначения – стало исключительным доменом президента. Путин являлся депонентом этих решений. Они принимались у него в кабинете, либо по его поручению с кем-то согласовывались, а в случае конфликта надо было непременно подниматься к нему. Большинство их были управленческими сделками. Недаром нашу систему специалисты называют «административным рынком». Решения президента, министра, губернатора имеют исчисляемый вес и ценность, как у ценных бумаг. Соответственно, их можно перепродать, можно переуступить. Когда Медведев, еще президент, принимал решение по созданию экономической зоны на Кавказе, вокруг этого возникла коалиция госбанков, местных административных структур и т. д. Оценив свой доход от решения, они договаривались с западными спекулянтами или инвесторами (в данном случае это одно и то же) о том, какие кредиты получают, – ведь сам президент гарантирует эти суммы. Но Медведев ушел, и возникла проблема. Путин мог сделать вид, что не в курсе, и тем, кто однажды платил за контур решений, пришлось платить еще раз либо выйти из игры – с риском попасть под следствие.

<sup>7</sup> Сегодня об этом напоминает реликтовый ритуал заявлений Пескова «Президент в курсе...»

АП и в самом окружении Путина. Даже губернаторы южных областей, которые и прежде были вовлечены в украинские дела.

Разные уровни вовлеченности вели к тому, что процесс сразу пошел по разным направлениям.

Путину это дает право считать, что он не несет ответственности. Он не приказал отправить на Украину волонтеров – они уже были там. Ему сообщали, что сотни горячих парней рвутся воевать на Украину – и многие действительно рвались. Кто-то мог сказать: границы там нет – и действительно, в регионе Донбасса границы реально не было. Мы не сможем остановить наших парней. Если им запретить, они все равно туда доберутся! Путин мог сказать: ладно, ребят прикрой, но гляди, чтобы все было хорошо.

Является это директивой? с точки зрения Путина, нет. Ведь одновременно к Путину приходит кто-то другой и говорит: на границе бардак. Непонятные люди с оружием. Одни везут его на Украину, другие с Украины, криминальный рынок растет – беда. Путин скажет: ребята там неплохие, но бардак на границе пора прекратить, проконтролируй. Ушедший уверен, что получил указание. Что он делает? Перекрывает трансграничную торговлю, на которой традиционно держалось снабжение Донбасса.

Когда у ополченцев в конце лета 2014 года возник риск полного военного разгрома, хоть тут решения Кремля имели вид приказов? Приказы, наверное, были. Но я и тут не исключаю сослагательной формы решений. Министр может сказать: мой парень, который присматривает за бойцами, говорит, что там плохи дела, а у меня контрактники простаивают, а под рукой сотни две танков лишние. Президент мог сказать: давай, но осторожненько. И возникает наступление под Мариуполем, с потенциалом развития в большую войну в Европе.

Так это было или не так, *всякий раз речь шла о бюрократически неполном решении*. О решении, не имеющем характера директивы. Все ссылаются на слова Путина, на какие-то его недомолвки. Для наступления достаточно, но отступить так очень трудно. И когда Путин пожелал притормозить, у него в системе не нашлось рычага заднего хода. Тогда создается схема обхода своих же прошлых решений.

Например, дают Суркову временные полномочия навести порядок на Донбассе, политически отстроив там чуть-чуть организованную систему. Но при этом, разумеется, не дезавуируют решений тех, кому прежде позволили слать туда людей. Те идут жаловаться в Кремль: Сурков объявился, приказы раздает. Им скажут: не мешайте, пока делает все как надо. Но присматривайте там за ним, он парень слишком горячий. Тем самым, вдобавок ко всем прежним, Кремль учреждает новую компетенцию.

Внутриаппаратный конфликт вскоре выйдет наружу, как полупубличный. Пойдут публикации в прессе от вовлеченных через их медиаагентов: «Сурков предатель, слил Новороссию». Но все это лишь отражение нерешительности вверху. Аппаратные войны Путина устраивают, пока это «войны за Путина» и ими все поглощены.

## **Стиль непрямой трактовки**

Как выглядит путинский стиль управления? Это стиль *непрямой трактовки*. Прежде все знали, что при выходе на уровень создания серьезных компаний, слияний, продаж надо идти в первую приемную. Излагать проблему, конфликт, если есть, пожелания – и Путин, приняв решение, его «депонирует».

Сегодня от него уходят с неполным представлением о решенном, стараясь запомнить слова, которые Путин произнес. Чтобы после сказать: «Владимир Владимирович, помните, в такой-то день, тогда-то вы мне сказали: «Что ж, так тоже можно». И эти слова превращаются

в право на частную импровизацию. Нарастает броуновское движение, а Путин балансирует над ним, как президент броуновского движения. Но все менее управляемо.

Социальные сбои могут возникнуть скорее наверху, чем внизу. С падением экономики растет пассивность масс, привязанных к территориальной системе распределения. Система «садится на территорию», переходит в режим stand-by, и люди не предъявляют требования – им надо выжить. Нестабильной Система начнет быть вверху. Эта нестабильность уже видна, но пока она поглощалась. Убийство Немцова стало серьезным кризисом Команды, когда Владимир Владимирович понял, что на его заднем дворе хозяин не он, а люди из его же аппарата.

## Кремлеречь

В аппарате власти с советских времен развит административно-политический язык (так называемый канцелярит) – язык недискуссионных авторитетных экивоков. Совет Безопасности РФ решает *принять необходимые меры по стабилизации положения на границе*. Это может означать прямо противоположные вещи: границу с Украиной закрыть или, наоборот, пропускать через границу российские танки. Письменные бумаги имеют такой вид, чтобы их можно было трактовать по-разному. Опубликованная «Новой газетой» бумага о действиях на Украине не «план Кремля», а записка, какие пишут аналитики лоббистов, представленных в Кремле. Кто-то из них и принес эту бумагу в Администрацию, но это не то, на чем пишут «к исполнению». Так конкретно деловые бумаги в Кремле не составляют. Записка формирует аппаратное мнение, а аппаратные *мнения* – это слухи, которые можно распространять в Кремле ничем не рискуя.

Устные указания здесь важнее письменных.

## Без правительства

Говорят, в Системе РФ функция управления фальсифицирована. Действительно, управление в его функциональном виде отсутствует. Приближаясь к Кремлю, мы не находим места принятия решений. Половина громких российских действий прошлого года не были исполнением прямых директив президента. Это ситуативные инициативы лояльных ему групп, располагающих личными и аппаратными ресурсами, во обеспечение его и своих интересов. Такое приводит и к опасным событиям.

Пример – обвал рубля в декабре. Не было центра или человека, который все нарочно устроил. Люди в госбанках играли, беря рублевые кредиты, продавая их за доллары, и затем обратно выбрасывали доллары на рынок. Центральный банк принимал решения, но не мог их реализовать. Казалось бы, на его стороне президент – что еще нужно? и все-таки Набиуллина долго ничего не могла сделать. Госбанки использовали конъюнктуру, но Кремлю наказывать некого.

Вот бытовой пример коллапса исполнительной власти. Представительная власть потерпела фиаско раньше, ее не стало давно. Но обнулилось и единство исполнительной власти. Правительство стало экспертным центром оценки лоббистских предложений. Какие-то оно принимает, какие-то исходят из администрации президента, и одно не сводится с другим. Правительство не может позвонить в Кремль и сказать: «Так не делайте!», зато из администрации можно звонком в Белый дом остановить любое решение.

Исполнительная власть, знаменитая «вертикаль» которой и без того фрагментарна на уровне регионов, лишена верхушки в виде правительства. Кажущаяся управленческая катастрофа? Но мы все еще живы, значит, этой страной можно управлять без правительства.

## **МИДа тоже нет**

Президенту нравится заниматься внешнеполитическими операциями, они надежный мотор популярности. Еще в первые годы президентства, когда положение экономики было плохим, его заслугой люди РФ называли «международный успех России». Внешняя политика – путинский домен, здесь все ориентировано на одобрение или неодобрение Путина. Международная политика, в отличие от внутренней, связана с президентом лично и более консолидирована. Но внешняя политика в Системе не размежевана с внутренней.

Центром политики является не МИД, а администрация президента. МИД как аккумулятор внешней политики живет довольно обособленно, а министр иностранных дел – то ближе, то дальше от окружения президента. Роль Лаврова зависит от игры, которую ведет Путин. Нужен ему Лавров в данный момент или нет? Если нет, Лавров как умный бюрократ отходит в тень, на вспомогательную роль. Тогда, демонстрируя командную лояльность, он говорит резкости в новом хулиганском тоне Кремля или зачитывает беспцельные речи, ни о чем не говорящие. Роль Лаврова – роль личного посла Путина, которого тот направляет или отзывает обратно. Когда личный представитель отозван, он никого не представляет. Лавров не отвечает за курс, проводимый Россией, и в этом смысле министра иностранных дел у нас нет. Однако без дипломатии трудно освоить успехи спецопераций.

Операции на Украине разрушали устойчивые связи России, и когда нужно их восстанавливать, опять появлялся Лавров. Для Лаврова периоды подготовки международных соглашений и принятия их – моменты аппаратного усиления. Он заинтересован в том, чтобы соглашения сохранялись, для него они элемент его устойчивости. Но верно и обратное – он заинтересован и в срыве соглашений. Тогда придется выработать новые решения, и он понадобится опять.

Сурков сыграл заметную роль в подготовке Минских соглашений, не меньшую, чем Лавров. Лавров не договорился бы о чем-либо с военполиткомандирами Луганска и Донецка, это делал Сурков. Опять возник аппаратный конфликт компетенций, но Путин нарочно не разграничивает компетенции. И каждый, стараясь не конфликтовать с коллегой открыто (ведь это повредит им обоим), сам договаривается с ним о разграничениях.

## **Игры персонификаций**

Всякий раз есть кто-то – скажем, Бортников или Иванов, – бывающий у Путина чаще, чем Сурков или Володин. А может, и не чаще, это неизвестно. Слухи, об этом распространяемые, важны, но не имеют отношения к реальности. Это средство усложнения аппаратной конкуренции. Слухи могут распускаться намеренно помощниками или даже самим президентом. Президент может бросить: «Что-то Володин ко мне зачастил». Управленчески неопределенный сигнал – то ли знак доверительности, то ли намек на охлаждение, обдуманно дезинформирующий.

Кто-то сказал кому-то: «в последнее время Сурков не вылезает от Путина». Что это значит? Неизвестно. Может, личное впечатление, а может, как у нас говорят, «разводку»: кому-то хотят намекнуть, что Сурков якобы вырос в значении.

## Глава 6

### Методика успехов Системы

Поведение российской Системы можно признать успешным, не обольщаясь низкими экономическими показателями. Большую часть черных слухов о России генерируем или гиперболизируем мы сами. Мрачный рассказ о том, как плохи дела «на самом деле», – наш жизненный фон. Но как же Система достигает успеха? Почему ее скромные достижения могут рассматриваться как превосходные? Для этого надо рассмотреть, как Система продает себя внутри и вовне России.

#### Гибридность как превосходство

Российская гибридность не «крымское отклонение», а принцип государственного строительства со времен империи. Либерал-реформисты перестройки закрепили тренд. Перенеся фокус политики с судебной власти на президентскую, они уже в 1990-е годы ввели РФ в *иллиберальное* русло.

Решения в Системе РФ – не решения в пределах норм, а решения, как обойтись с нормой. На месте принятия решений мы всегда встретим гибридные импровизации. Но условие эффективности гибридных решений – их заведомая *бессудность*, заранее известная исполнителю.

Российская патримониальная власть тяготеет к гибридным и/или сетевым практикам. Патримония Кремля, окруженная рыхлыми недогосударствами регионов, хорошо сочетается с недонациональными элитами и любыми сетями, от социальных до криминальных. Наша власть всеядна. Она гибридизирует разнородные начала, легко синхронизирует архаику и ультрамодерн. Модернизация России оказалась невозможной потому, что гибридизация РФ давно состоялась.

#### Технология наглости

Исключительно важной характеристикой Системы РФ является ее внезапная *наглость*. Понимать это моралистически нельзя, здесь технический аспект производства нашей политики.

*Наглость Системы связана с ее верткостью.* Система легко объединяет воедино провластную повестку с антивластной (всегда в виде препарированных фрагментов). Команда Кремля высмеет любого, кто укажет на логические неувязки – почему бы нет, раз мы так хотим? Стартовый энтузиазм помешал распознать переход от аморального к криминальному. Авангардная привычка к превосходству над противниками – кому интересно, что там с этими вечно отстающими, с группой отстоя? Отсюда все более свирепые разгоны маршей несогласных к концу 2000-х. Отсюда и сепарация русских националистов на незаконно сажаемых и безгранично коррумпируемых. А в итоге?

Наглость была функцией защиты при обходе витринных институтов. Затем она пересекла черту криминализации, когда передергиваются не аргументы, а законы и правовые процедуры. Если огосударствление НТВ в начале 2000-х производилось сравнительно законными средствами, то экспроприация ЮКОСа не могла быть произведена так – и при-

бегли к форсажу. Далее сектор политических спецсредств расширился, а число профессионалов таких дел и доверенных злодеев умножилось. Пока не совпало с понятием *лоялист*.

## **Радикализация при виде чужих ресурсов**

Когда речь идет о конфликтах, Систему ничто не сдерживает. Она легко обращает чужой цивилизационный потенциал в свой ресурс. Внешние ресурсы лишь повод и инструмент ее экспансии.

Она прекрасно чувствует себя в чрезвычайных ситуациях, которые умеет спровоцировать, не разрушаясь. Система РФ может впасть в бешенство и радикализироваться. Тогда в ней возникают фантастические проекты и вперед выходит бесподобное хулиганье. Сегодня государство опять радикализировано – власть нельзя было представить такой год назад. Чрезвычайщина – вот цена, которую слабая Система РФ платит за российскую *antifragility*.

Но Система РФ не вечна, а время от времени любая государственность в России перестает существовать. Это происходит не в силу протестов, а в силу принятых властью решений. Роковые для Системы решения принимают там же, где принимались текущие, – столь же непредсказуемые.

Из крушения СССР Система вышла подвижной. Теперь она не ограничена идеологией и легко сочетает закрытость со свободной игрой на чужих активах. Ей не страшно ни что люди бегут из нее, ни что люди сидят в интернете. У Системы РФ высшая степень устойчивости к возмущениям, которые для советской системы стали бы разрушительны. Ее новое основание в беспринципной всеядности – способности инициативно нарушить и преступить любую норму.

Недавно Система освоила даже революцию, правда, на Украине. Не подавляя более чужих революций, как царь Николай I или Брежнев, мы превращаем их в свой стратегический ресурс.

## **Лидер в срыве правил игры**

В борьбе за лидерство на ранее занятых позициях есть две стратегии: предлагать подтверждения лидерства (победы, индексы, услуги, продукты) либо менять его критерии, то есть правила игры. При второй из стратегий импровизация обращена к выгоде отстающих. Внося хаос, Россия открывает другим поля маневрирования для решения прежде неразрешимых задач.

Вторая стратегия опасна. Россия, в 2014 году сломав правила игры в Европе, тут же выяснила, что ее уровень стратегического управления не отвечает масштабу ею созданного кризиса. Летом прошлого года возникла нужда в маневре, и Москва решила на Украине несколько отступить. Начав отступать, Путин увидел, что не все, кто шел на взлом европейских правил, готов отступать вместе с ним. Сломав на Евровостоке правила и затем отступив, Россия не может возразить против импровизирующих аналогично нефтяных шейхов, бомбящих Йемен и предоставляющих нефтяным ценам падать.

Возможный ответ в рамках «тактики ломки правил»: интенсифицировать угрозы на газонефтяном рынке. Но управление потребует более азартных ходов – поставок российских вооружений в Иран, а американских – на Украину.

## **Тактика ломки правил и *force majeure***

*Тактика ломки правил* ведет к коллапсу стратегического планирования. Россия попадает в просак, но просак попадут и те, кто ставил на стабильность георыночного ландшафта и связанного с ним сырьевого.

Сколько продлится полоса низких цен? а сколько – терпение Кремля, рассматривающего давление на Россию как «специальную операцию»? Сколько еще продлятся годы жизни советского поколения лидеров стран Центральной Азии? Обозревая мировые переменные, мы поймем, что у Москвы есть резон выжидать. Чего именно? Форсмажорного события, которое сломает невыгодный тренд. И зря расслабился тот, кто верит, будто наша способность обрушивать чужие планы сошла на нет.

## **«Откат» как прецедент хорошего управления**

Коррупция связана с неопределенностью и негарантированностью результатов ваших усилий. Отличие «отката» в том, что это перестрахованная форма коррупции: тот, кто имеет процент от вашей сделки, должен ее обеспечить (хотя и это не всегда обязательно). «Откаты» получили распространение в Системе РФ потому, что отличны от взятки как рискованного дарения при неясном результате. Откат упраздняет гиперконтроль, вынуждая сектор Системы к добросовестности, едва ли не «хорошему управлению». Это цена, которую Система выплачивает самой себе за то, что изредка ведет себя как обычное государство.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.